

Л. ЗАЛЯИ

## К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

(По материалам языка)\*

Язык, как «реальное сознание», способен сохранить в себе историю своих создателей, творцов, даже больше, чем письменные документы, датированные определенными периодами. Но, чтобы вскрыть по материалам языка подлинную историю того или другого народа, необходимо знать этот язык до мельчайших деталей и быть вооруженным марксистским методом.

Работа над историей как татарского народа, так и его языка началась уже давно: ими занимались довольно видные деятели русской и европейской тюркологии. Наследство, накопленное в течение нескольких столетий упорным трудом тюркологов, подготовило плодотворную почву для советской науки. Но мы, ее представители, при всем уважении к нашим предшественникам, не вправе замалчивать их ошибки, воспринимать их опыт без надлежащей критики.

Главным недостатком досоветской тюркологии в изучении истории татарского языка было то, что тогда прошлое брали оторванно от настоящего. Это, разумеется, привело многих к выводу, что поволжские булгары, как народ, является вымершим, а их язык — мертвым. А это, в свою очередь, дало повод пантюркистам всех толков искать и «находить прародину» татар Поволжья где-то в Алтайских горах, у озера Иссык-куль и т. д.

Такой разрыв между прошлым и настоящим получился потому, что многие историки-тюркологи письменную культуру булгар ограничивали одними лишь надгробными надписями, оставляя в стороне богатое литературное наследство, начальный этап которого датируется примерно X—XI вв. Изучая историю языка татарского народа, мы должны быть свободны от той ограниченности, которой иногда страдали весьма ценные труды наших предшественников-тюркологов.

Историю развития и отдельные этапы жизни того или иного языка можно уяснить, изучая 4 источника: а) язык письменных памятников, б) язык фольклора, в) сохранившиеся особенности живых диалектов и говоров данного народа, г) факты взаимовлияния данного языка и других языков. В истории татарского языка все эти источники имеются, и надлежит их всемерно использовать. Но спешим оговориться, что письменные памятники по истории нашего народа, к сожалению, немногочисленны и до сих пор еще мало изучены со стороны их языка.

Задача моего доклада — дать материал по этногенезу татар Поволжья, исходя из данных лингвистики.

Татарский язык по всем особенностям своей структуры относится к тюркской системе; при этом он является наиболее развитым в сравнении с прочими тюркскими языками.

Язык татар Поволжья достиг уровня национального литературного языка на основе концентрации ряда мелких племенных языков, на основе социально-экономических и политических факторов. Доказатель-

\* Переработанная стенограмма доклада, зачитанного на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

ством является та диалектальная пестрота, которая продолжает бытовать и поныне в языке татар Волжского бассейна. Материалы, накопленные в связи с изучением диалектов, убедительно показывают существование лингвистических разновидностей в живом народном языке татар. Например, звук *ч* в разных говорах татарского языка корреспондирует, в основном, со следующими звуками: 1) *ч* — *ц*, пычак — пыцак (нож); 2) *ч* — *с*, пычак — пысак (нож); 3) *ч* — *ш*, чышмә — шишмә (источник, родник); 4) *ч* — *т*, чышмә — тишмә (родник); 5) *ч* — *ж* (дж); сибирские татары слово Джамал и произносят Чамалый (собств. имя). В некоторых местностях заказанского говора среднего диалекта мы встречаемся с аффрикатой типа *сч*, довольно близкой к известному чувашскому звуку; например, атненские татары (старики) слово пещан (сено) произносят пещан.

Кроме таких мелких лингвистических разновидностей, в современном татарском языке имеются три больших диалекта, со строго проводимыми лингвистическими различиями. Например, средний диалект татарского языка, основной территорией которого является ТАССР, имеет следующие характерные фонетические особенности: а) джожание, т. е. звук *й* во всех случаях переходит в *ж*, (дж) — жу к, жу л, жу ры й, жу л, жу ра к, жу р и т. д.; б) звук *к* произносится, как глубокий заднеязычный; в) безударный *а* переходит в <sup>о</sup><sub>а</sub> (похожий на

русский <sup>о</sup><sub>а</sub>; г) *е* во многих случаях заменяется лабиальным *ө* (Көбек — вместо Кебек); д) большинство татар среднего диалекта звук *х* заменяют звуком *к*, например, ка зер (х а зер — сейчас).

В морфологии этот диалект сохранил весьма характерные формы, имеющие крепкую связь с грамматическими формами письменных памятников древней болгаро-татарской литературы. Например, форма бармага (итти — инфинитив), начиная с X—XI вв. и до начала XX в. существовала в литературном языке как активная форма, а теперь бытует как диалектная форма в заказанском говоре.

Форма тышкары (литературная форма — тышка), эчкәре (литературная форма — эчкә), которая ныне бытует в мензелинском говоре среднего диалекта, встречается еще в древних памятниках, начиная с орхонских надписей. Характерным фактом является и употребление в нукратском и горном говорах среднего диалекта формы надыкта вместо причастия прошедшего времени. Например, нукратские татары говорят: «без бардыкта, йельыш ачылган иде» (злитературном языке: без барганда..., когда мы пришли, собрание было открыто). Нурлатовские и буминские татары также говорят: «Без бардысык» (в литературном языке: без барганидек, т. е. мы ходили было).

Нам известно, что этот, можно сказать, стилистический прием в языке письменных памятников существовал издавна и почти до XX в. Например, у Шигапа Марджани мы часто читаем такие обороты, где формы булдыкта и улдыкта употребляются вместо современной литературной формы булганнан сун, и булганда (причастие прошедшего времени).

Рядом с этим средним диалектом существует (даже частично на территории самой Татарской Республики) другой, в лингвистическом отношении во многом резко отличающийся от него диалект, называемый западным. Характерными его чертами являются: а) отсутствие звука *ж*, (дж), т. е. йожание. Например, йир, елга, йук и т. д.; б) произношение звука *а* чистым, как русское *а*, например кала (город), Казан (Казань) и т. д.; в) смягченность произношения звуков *к* — *г*, например, карга (ворона), казык (кол), кимак (казанские татары: коймак) и др.

У касимовских татар эти звуки уже не существуют. Слово кы р (поле) они произносят ы р (без к); г) активность делябиализации: там, где казанский татарин ставит губно-губное о — ъ, татарин западного диалекта говорит ы — э, например тормош (жизнь) переходит в тырмыш, бѳтѳн в бетен и т. д.; д) аффикс понудительного залога у татар среднего диалекта произносится кар (коткар — освободи), кыр (яткыр — уложи), дер (мендер — поднимай), а в западном диалекте этот же суффикс произносится со звуком з, например, котказ, яткыз, менгез и т. д.; е) межзубный з, который характерен для мензелинского говора среднего диалекта, в западном диалекте совсем отсутствует, и з произносится, как в русском и большинстве европейских языков; ж) в некоторых говорах западного диалекта до сих пор еще сохранился очень архаичный аффикс гын — ген, кын — кен, который прибавляется к глаголу повелительного наклонения, например бергын (сходи-ка), килген (приходи-ка).

И в лексике, и в грамматике западного диалекта имеется ряд особенностей, с одной стороны, отличающих его от среднего диалекта, а с другой — непосредственно связывающих его с языком древних письменных памятников.

В этом кратком сообщении я не могу подробно останавливаться на всех диалектальных особенностях татарского языка. Я выскажу лишь основное положение: в недрах живого татарского языка еще сохранились такие явления, которые служат доказательством того, что в состав этого языка вошел ряд мелких языков одной и той же системы, но во многом отличающихся друг от друга. Идя по следам этих материалов, легко можно установить и этапы формирования татарского языка. Главными из этих этапов можно считать следующие.

Несомненно, что процесс образования татарского языка начинается с момента появления на исторической арене булгар Поволжья. Этот процесс длился довольно долго, благодаря скрещению многих языковых групп и их постепенной концентрации.

На первом этапе этого процесса происходит скрещение болгарских и чувашских элементов, как двух различных диалектов одного и того же языка. Такое скрещение больше всего бросается в глаза в области фонетики (ср. хотя бы соответствие чувашского х болгарскому к). Об этом говорят надгробные надписи болгарского периода. Например: чувашск. тыхар, болгарск. туказ, чувашск. хер, болгарск. кыз. Чувашское л соответствует болгарскому ш: чувашск. пиллек, болгарск. биш-бишлек; чувашск. в — болгарскому гласному у, например, чувашск. ван — болгарск. ун (десять).

То, что болгары принадлежали к группе «к» (т. е. звук х у них отсутствовал), подтверждается, во-первых, тем, что русско-славянские и арабо-персидские слова, заимствованные самими булгарами, утвердились у них со звуком к; например, русско-славянское соха — у болгар сука, арабское хазиня — казна и т. д. Историк Шигаф Мерджани писал, что казанские татары вместо звука х употребляют к и поэтому арабское имя Хасан они произносят Кашан. Касан. Во-вторых, это подтверждается и тем, что в большинстве говоров среднего диалекта все арабские слова, имеющие звук х, по сей день произносятся через к, например, казер (арабск. хазер), кат (хат), ракмат (рахмет), калык (халык) и т. д.

Итак, звук х в татарском языке возник под влиянием, с одной стороны, русско-славянских и арабо-персидских, а с другой — чувашских слов и является, таким образом, сравнительно новым. Иначе говоря, в этом скрещении болгарский диалект играет доминирующую роль (и потому в татарском языке преобладает группа к, а не х).

В известие другого факта языкового скрещения мы можем констатировать соответствие болгаро-чувашиского аффриката *ж* (дж) с кипчакским *ж* и и болгаро-чувашиского звука *р* с кипчакским *з*. В одной из параллелей болгарского периода мы читаем параллели «ж и а т-ж у р» и «а т-ж у р» (700 г.). В этих словах корреспондируется звук *ж* (дж) с и звук *р* с звуком *з*.

В процессе этого скрещения кипчакский *й* приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная форма: йоз (сто), а не жбз. В письменных памятниках йокание продолжается до конца XIX в. Даже у Тукаева имеются обе параллели. Формы жи р (земля) и жиде (семь) окончательно утвердились лишь в послеоктябрьский период развития татарского языка.

Третьим моментом скрещения в процессе формирования татарского языка является употребление межзубного *з* (башкирского *з*), параллельно с «чистым» *з*, с одной стороны, и звука *з* со звуком *й*, с другой. Например в текстах древних литературных памятников («Найсыхат-эл Салихин», «Иосиф Золайха», «Нехдж-уль-Фарадис» и др.) мы встречаем формы а за к — ай а к, ада к (нога); ка згы и кайгы (горе, печаль).

Исходя из данных современного татарского языка, можно заключить, что «чистый» *з* — это болгаро-кипчакский элемент. У Махмуда Кашгарского имеется указание, что тюркские народы, живущие в соприкосновении с европейцами, звук *з* произносят чисто, т. е. как русско-славянское *з*. Известно, что сожителство со славянами (с русским народом) начали раньше всех тюркских народов кипчаки и болгары. Следовательно, «з е к а н и е» в истории татарского языка прежде всего можем считать скрещением башкирского элемента с болгаро-кипчакским. Между прочим, в «Кодексе Куманикуса» формы а за к, ада к не имеется, — там стоит ай а к. Правда, и в этом тексте зафиксировано слово а да м в виде а за м. Но это нельзя считать типичным.

Что, действительно, «зекание» является внедрением башкирского элемента в болгаро-татарский язык, — это подтверждается существованием его и поныне в мензелинском говоре среднего диалекта, т. е. там, где отатарившиеся башкиры составляют довольно заметный процент.

Мы могли бы здесь привести такой же ряд параллелей и по части лексики и грамматических форм, но это займет много времени. Например, чувашское у ра (нога) и болгаро-татарское ай а к (нога) параллельно употребляются в текстах древних письменных памятников почти до XVII в. Ср. еще слова: кем-ирсә, ул кем ирсә, кеше (человек), ун гә, ун гин, уз гә... (другой) и тому подобные синонимы, вошедшие из разных языковых групп и также бытовавшие долго — до XVIII—XIX вв. В морфологии древне-болгаро-татарского языка скрещиваются весьма различные формы, больше всего в области глагола. Например, деепричастие настоящего времени до Кандаля (XIX в.) употребляется в четырех формах: са туп, са тубән, са та (продавая), а глаю (рыдая).

Процесс концентрации татарского языка (иначе говоря, «отатаривание» всего этого конгломерата) шел вокруг болгаро-кипчакских элементов. Процесс этот начался, как мы уже сказали, со времен древних болгар. До XIV—XV вв. этот процесс шел довольно интенсивно. С «Нехдж Фарадиса» (XIV в.) и «Кодекса Куманикуса» процесс «отатаривания» заметно усиливается за счет того же болгаро-кипчакского элемента, с явным преобладанием последнего: например, активность йокания, монофтонгизация ай (качан) и т. д.

В языке поэтов XVIII—XIX вв. (например у Маула Коляя, у Кандаля) кипчакский элемент преобладает над казанско-татарским элементом. С момента же образования татарского национального литера-

турного языка в качестве нормы общего литературного языка берется средний диалект — язык казанских татар. С этого же времени начинается ограничение роли западного диалекта (являющегося в той или иной степени продолжением кипчакского языка) в формировании татарского литературного языка.

В становлении татарского языка, начиная с древних времен, принимали участие путем заимствования два типа языков: а) языки флективные, т. е. другой системы, б) языки одной системы, т. е. однородные. К первой группе относятся арабский, персидский, русский, а ко второй — все тюркские языки, так или иначе принимавшие участие в процессе формирования татарского языка: чувашский, башкирский, а через письменность, кроме того, — уйгурский, узбекский и др.

Заимствованные языковые элементы подвергались «отатариванию» как с фонетической, так и с грамматической и семантической сторон. Например, персидские слова биһуш, һөнәр, бичара в татарском языке утвердились в формах һушсиз, унәр-өнәр, чарасиз и т. д.; арабские — мәсхара, махәмер, санәм и т. д. у татар приняли формы москыллау, макмыр, сын...; русские — борозда — буразна, изба — ызба, будто бы — беттәмән, снасти — ычнач, сила — чила, коза — кәзә, кәжә и т. д.

Иноязычные слова в татарский язык чаще всего вошли лишь в виде корнеслова, т. е. без суффиксов; например, татары говорят не бороздить, а буразнау или же буразна салу, буразна сызу. Вместо арабских шагир-шогара, факир-фокара, галим-голама и т. д. татары говорят только шагырсләр, фәкирләр, галимнер и т. п.

В процессе «отатаривания» из некоторых иноязычных слов создавались новые слова с новыми значениями. Например слово әрәм происходит из арабского харам, әзер (готов) из хазери и т. д.

Все эти факты говорят о том, что язык наших предков уже тогда, т. е. даже на первом этапе своих взаимоотношений с языками иной системы, мог сохранять свои структурные особенности.

Мы не собираемся при этом отрицать иноязычных влияний на развитие татарского языка. Эти заимствования не только помогали развитию татарского языка в его лексико-грамматической части, но влияли и на его логический строй. Это мы видим в области калькирования, которое больше всего относится к заимствованиям из русского языка, например, өченче көн (из русского «третьего дня»), иртәдән арыга (русс. «послезавтра»), кышлык («озимые») и пр. Калькирование из русского синтаксиса занимает важное место в синтаксическом строе татарского языка, тем более в живой разговорной речи.

Конечно, мы не настаиваем на том, чтобы современный татарский язык признали целиком и полностью продолжением болгарского языка. Татарский язык пережил в своей истории очень большие изменения, но несмотря на все это он является до известной степени продолжением болгарского языка.

На основе закона всеобщего глоттогонического процесса татарский язык, как и другие, в процессе своей истории влиял на языки соседних народов. Это подтверждается обилием «тюркизмов» в языках соседних угро-финских народов: удмуртов, марийцев и мордвы. Эти «тюркизмы», попавшие к ним непосредственно из болгаро-татарского языка, делаются на следующие группы: а) слова производственно-бытовые с материально-вещественным значением, например капка (ворота), сивак (вилы), пычки (пилы), яр (берег) и т. д.; б) слова социально-бытовые и отвлеченные понятия, например дышын (назык, учение), шаныр (верный), кенеш (совет — советовать), эрня (свобода) и т. д.; в) слова арабско-персидские в «отатаренной» форме, например: калык

(язык — народ), дошман (враг), мыскыл-ланы (издеваться, последнее слово «татаризовано» из арабского «масхара») и т. д.

Хронологически такое влияние татарского языка на угро-финские языки можно отнести, без сомнения, к болгарскому периоду, по крайней мере, до Казанского ханства<sup>1</sup>. Это предположение можно подтвердить обоснованными доводами: 1) большинство таких «тюркизмов», например, в удмуртском языке, синонимов не имеют (я сужу по литературному удмуртскому языку); это показывает, что они уже давно получили право гражданства в этом языке; 2) часть этих «тюркизмов», бытовавших в древних письменных памятниках, теперь вышла из употребления даже в самом литературном языке татар; например, слово учсыз, в мордовском языке учсуз (дешево) то же, что и исконно татарское очсыз — очыз, которое теперь употребляется только в заказанском говоре среднего диалекта и в некоторых говорах западного диалекта в том же значении.

Наконец, еще одним доводом может служить то, что в литературных памятниках болгарского периода (X—XV вв.) мы встречаемся с довольно богатым словарным составом в смысле дифференцированности слов абстрактно-логического значения.

Из вышеизложенного напрашиваются следующие выводы:

1) Татарский язык, как и его носители — татары, не является оформившимся на базе исконно однородного материала. Наоборот, этот язык характеризуется тем, что в его состав вошли многие мелкие языки тюркской системы.

2) Первый этап оформления татарского языка относится к болгарскому периоду, что подтверждается наличием прямой связи современного татарского языка (тем более его различных диалектов), как лексически, так и грамматически, с языком древних письменных памятников.

3) Процесс оформления татарского языка происходил при доминирующей роли болгаро-кипчакских элементов.

<sup>1</sup> Историографической истиной является то, что языки, не достигшие определенной степени развития, не были в состоянии оказывать влияние на другие языки.